

О. Д. Рустемов

ВНУТРЕННЯЯ СТИЛИСТИКА БАХЧИСАРАЙСКИХ СИДЖИЛЕЙ¹

Термин “внутренняя стилистика” ввел в обиход известный швейцарский языковед, основатель современной стилистики Шарль Балли. Согласно Балли, внутренняя стилистика рассматривает вопросы взаимодействия когнитивных (интеллектуальных) и аффективных (эмотивных) элементов языка, тогда как внешняя, или сопоставительная, стилистика занимается сопоставительным изучением выразительных средств двух и более языков [Балли 1955]. В данной работе термин “внутренняя стилистика” используется для номинирования общих стилистических атрибутов и элементов письменной речи крымскотатарских документов юридического характера XVI–XVIII столетий, известных как “кадиаскерские” книги, или сиджили.

Целью исследования – является рассмотрение документов разных типов из кадиаскерских сборников, представляющих интерес с точки зрения жанровых и стилистических особенностей крымского канцелярита эпохи XVI–XVIII вв., выработка определенных методов стилистического анализа упомянутых текстов и принципов их систематизации. При этом внимание уделяется как внешним, формальным признакам, таким как жанр, структура, композиция документа, так и внутренним, к которым следует отнести различные речевые средства, как например, терминология, смешение стилевых особенностей, литературные приемы. Несмотря на отдельные опыты изучения судебных реестров Крымского ханства, кадиаскерские тетради до настоящего времени никогда не фигурировали в научных трудах по исследованию исторической или синхронной стилистики крымскотатарского языка, что обуславливает **актуальность настоящей публикации**.

За период депортации оказались забытыми и стали, в результате, пассивными не только различные языковые сегменты, но даже целые языковые области, к которым можно отнести и

¹ Сиджилъ (осм. из араб. “sicil”) – реестр, запись, решение, приговор. Sicil kesmek – вынести приговор.

официально-деловой стиль, активно развивавшийся в Крыму вплоть до депортации.

Данная работа – первый опыт по изучению исторической стилистики крымскотатарского языка на достаточно специфическом и таком малоисследованном материале, как судебные реестры Крымского ханства.

Несмотря на принадлежность к одному стилистическому полю, сиджили различаются как по структуре и содержанию, так и по жанрам. Среди документов, фигурирующих в кадиаскерских тетрадах, обнаруживаются письменные долговые расписки, закладные (сенед), договора, в том числе брачные (худжет), постановления о разделе имущества (яфта) или определения наследников, ханские указы, письма, строительные сметы на постройку мечети, свидетельские показания и прочее. Помимо тематических и структурных отличий, в судебных документах рельефно присутствует своеобразная “этикетность”, о которой говорил Д. С. Лихачев применительно к литературным памятникам Древней Руси [Лихачев 1961]. Литературный этикет в судебных документах Крымского ханства проявляется в случаях, когда речь в них идет о сановных особах, ханах, живых или уже покойных, а также членах рода правящей фамилии, иногда и в отношении представителей крымской аристократии.

Проявление литературного этикета сводится к двум составляющим: подражание высокому литературному стилю, особенно в начале документа, в виде формализованных выражений, которые можно расценивать как своеобразные молитвенные вставки (дува) и метафорические эпитеты.

Говоря о высоком стиле, следует напомнить, что в мусульманской тюркской литературной среде высочайшим и абсолютным эталоном литературного слога являлся Коран, чей авторитет был непререкаем. Одной из особенностей этого слога была особая манера изложения – рифмованная проза (садж), которой написан и текст самого Корана. Примером тому может служить текст, переведенный в свое время Мурат беём Биярслановым [ИТУАК № 9; Биярсланов 1890]. Нам удалось обнаружить этот текст в одном из тех 60 томов (№ 1) бахчисарайского кадиаскерского сакка (реестра), что хранятся в библиотеке им. Гаспринского в Симферополе. Они, в свою очередь, являются фотокопиями

оригинальных рукописей кадиаскерских тетрадей, вывезенных после депортации крымских татар в Ленинград (Санкт-Петербург) в библиотеку им. Салтыкова-Щедрина, где до сих пор и находятся. Что касается перевода Биярсланова, то он передает только смысловое содержание упомянутого документа. В нем не сохранен ритм рифмованной прозы, отсутствуют некоторые стилистические особенности, присущие сиджилям, как, например, формальное начало почти всякой судебной записи, типа: “Oldur ki,..” – “Оного суть в том, что...”.

Переведенный Биярслановым оригинальный текст находится на странице 70 1-го тома кадиаскерских книг. Приводим его отредактированный перевод с учетом отмеченных особенностей исходного документа, при этом следует оговориться, что и в нашем варианте рифма сохранена не во всех случаях, где она присутствует в оригинале.

Фрагмент:

1 satır. Oldur ki, hâlâ Qırım hanı olan cenâb-i seadet menab, devlet-i nisâb azîm-üş şan, amim-ül ihsân Canibek Giray Han

2 satır. Edam-Allahü Te[âla] maâli-yehü hazretlerinin bilfiil qapu ağaları olan qıdve-t ül-emacid ve el-ekârim umde-tü’ l-mehâmid ve’l-mekârim

3 satır. Halil ağa dâm-e mecd-ehü meclis-i şer-i şerîf-i ahmed-i ve mahfil-i münif-i Muhammediye İbrahim el-müteferrika tarafından Ahmed Beğ ibni

4 satır. Muhammed ve Abdi Çelebi ibni Hüseyin şehâdetleri ile vekâlet-i mutlaqası sâbit olan Mahmud Çelebi ibni Pervân li-qaza.... [Репринтные... Т. 1, 70].

Перевод:

1 строка. Оного суть в том, что слуга ныне здравствующего Его Величества крымского Хана, посланника счастья, столпа государства, источника всеобщего благоденствия достославного Джанибек Гирея,

2 строка. Да продлит Великий Аллах его дни, офицер дворцовой стражи (къапу агъасы), славы и почестей достойный, совершенством наделенный неустрашимый предводитель Халиль Ага самолично

3 строка. Явился в Высокое Собрание досточтимого Суда Шариата, где правят суд праведные последователи Мухаммеда, и

при согласных пояснениях и искренне высказанных помыслах и намерениях Махмуда Челеби ибн-и Первана,

4 строка. Действующего на основании выданного Ибрагимом аль-Мютеферрика при свидетельстве Ахмед бея ибни Мухаммеда и Абди Челеби ибни Хусейна доверительного письма на учинение всякого действия,...

(здесь и далее перевод Рустемова О. Д.)

Содержание сиджиля сводится к тому, что хан Селямет Гирей при жизни своей взял в долг у знатного вельможи Ибрагима эль-Мютеферрика крупную сумму денег – 4 व्यюка акче (серебряная монета Крымского ханства). На эти деньги был заложен корабль – “Кара Мурсель”, длиной 30 аршин. Часть долга хан вернул. Хан умер, а корабль остался недостроенным. Вельможа обратился через посредника в суд за другой частью долга. Новый хан, Джанибек Гирей, назначил наследниками долга своего отца царевичей Азамет Гирея, исполнявшего должность Нуреддина, и Мубарек Гирея. Царевичи, не долго думая, продали недостроенный корабль и рассчитались этими деньгами с кредитором. О чем и была составлена соответствующая запись (сиджилъ) в реестре судебных решений.

Как видно, суть дела, изложенного в документе, носит бытовой, скорее даже административный, характер и не нуждается в пышности слога. Подобных материалов в указанных реестрах множество, и большинство их изложено довольно обыденным языком, с соблюдением стилистических особенностей юридических документов. В приведенном примере фигурируют сановные особы, ханы (покойный и здравствующий), а также члены их семей. Именно по этой причине текст кадиаскерского решения приобретает черты пафосного литературного сочинения, где само судебное собрание (*meclis-i Şer‘i*), как оно звучит в остальных случаях, здесь представляется столь многословно: “Высокое Собрание досточтимого Суда Шариата, где правят суд праведные последователи Мухаммеда” (“...*meclis-i Şer‘i şerîf-i ahmed-i ve mahfil-i münif-i Muhammediye*”).

Таким образом, в указанном документе черты литературного этикета находят свое выражение в употреблении эпитетов и молитвенных формул (“дува”) при упоминании хана, в пышности

слога и в сохранении особой торжественности на протяжении всего текста. Как, например, при упоминании офицера дворцовой стражи (qaru ağası) – Халилия Аги, где его имя тоже сопровождается дува и гордыми эпитетами – “неустрасимый предводитель”...

Для сравнения можно рассмотреть отрывок другого сиджиля, с упоминанием имени еще одного крупного чиновника – начальника войсковой интендантской службы (kilârci başı), и где подобная первому случаю пышность слога отсутствует.

Фрагмент:

1 satır. Budur ki, nehri Özide işkiya qazaq elinden şehid olan merhum kilarcı başı Muhammed ağaniñ ebna-i

2 satır. kibari Yunus Çelebi ve Hasan Çelebi ve Murtaza Çelebi ve sagir oğlu Ahmed Çelebiye vasi nasib olunan

3 satır. Hızır Paşa bin Hayder ve diger sagir oğlu Hüseyin ve sagire qızları Kamer ve ziyade Ümmü Gulsum'e

4 satır. ve vasi şer'î olan Elhac Hüseyin bin Elhac Hoşkeldi ve büyük qızı Zelihadan Abdurahimin hace

5 satır. bin Murad ve Hüseyin bin Abdulla şehadetleri ile vekâleti sabit-e olan Elhac Ali bin Şükri ve zivcesi

6 satır. Hatice Bikeçden Amar Hatîb bin Ali ve Abdurahman Hace bin Murad şehadetleri ile sabit-ül vekâle-i

7 satır. Ömer Çelebi bin Pîrî muhdarlarında Meclisi Şer'ide hâmil hâze el-kitab orta boylu, kök közlü, açık

8 satır. qaşlu rusiyat ül-asl ve müslimat-ül mille Zeman binti Abdulla takrir-i davayı idub efendim merhum-u

9 satır. merkur Muhammed ağa beni tedbir-i mutlaq ile müdebere itmiş idi hala intiqam taleb iderün deyüb mezburundan

10 satır. sual olunduqdan inkâr ile muqabele idub Zemandan müddeasına li-ecli ş-şehade hazirun taleb olunduqda Abdulrahman

11 satır. Hace bin Murad ve Qasım bin Abdulla ve Osman bin Halil ve Hüseyin beyyine

12 satır. olub merhum merkur Mehmed ağa hali hayatında ve zaman nefad tasarrufatında işbu Zemane nam memluk-e

13 satır. seni tedbir-i mutlaq ile müdebire itdügine z şahadet dahi ideriz deyüb şahadetleri maqbule

14 satır. olub va sülüs-i mal dahi müsait olmağın _____ ile hükm olunub bit-taleb qaydı sicil

15 satır. olundi tahriren _____ Zilka'de ve sene ve el-hade ve işrîn ve elf.

16 satır. Mevlâna Mehti Efendi bin Mahmud; Abdulğani Çelebi bin Ehac Gevri; Elhac Yusuf bin... [Репринтные... Т. 1, 10].

Перевод

1 строка. Суть в следующем: детям (потомкам) начальника интендантской службы Мухаммеда Аги, погибшего (ставшего шахидом) от рук казацкого разбойника на реке Днепр,

2 строка. старшим Юнусу Челеби и Хасану Челеби, и Муртазе Челеби, и младшему сыну Ахмеду Челеби, и имеющему долю в наследстве

3 строка. Хызыр Паше бин Хайдеру, и другому младшему сыну Хусейну, и младшей дочери Камер, и старшей Уммио Гюльсум,

4 строка. и законному наследнику (по Шариату – *vasî şer'î*) Эльхадж Хусейн бин Эльхадж Хошкельды, и мужу старшей дочери Зелихи Абдурахиму

5 строка. бин Мураду, и полномочия коего (*vekâlet*) подтверждены свидетельством Хусейна бин Абдуллы полномочному представителю Эльхадж Али бин Шукри через супругу

6 строка. Хатидже Бикеч, и полномочия коего подтверждены свидетельствами Амар Хатиба бин Али и Абдурахмана Хадже бин Мурада полномочному представителю

7 строка. Омеру Челеби бин Пири, присутствовавшим при слушании дела по письменному заявлению, поданому в Собрание Суда Шариата некой Земан дочери Абдуллы среднего роста,

8 строка. с голубыми глазами, светлыми бровями происхождением из русских, мусульманского вероисповедания, (которая) заявляя официальный иск (показала): упомянутый покойный господин (*efendi*)

9 строка. Мухаммед Ага освободил меня по условию смертной свободы (*tedbir-i mutlaq*), ныне же требующие наследства вышеперечисленные особы,

10 строка. будучи опрошенными, выразили свое несогласие и отказали (в свободе). На стороне Земан для подтверждения правдивости ее притязаний выступили

11 строка. в качестве свидетелей Абдульрахман Хадже бин Мурад и Касым бин Абдуллах, и Осман бин Халиль, и Хусейн,

12 строка. (которые) показали, что слова означенного покойного Мухаммеда Аги (сказанные) при жизни, а также в момент прощания с жизнью этой самой рабыне по имени Земан

13 строка. “ты обретишь свободу по моей смерти” подтверждаем, и свидетельства эти признаются верными доказательствами,

14 строка. на основании которых принято решение о том, что она более не является имуществом (третью имущества),

15 строка. о чем сделана требуемая запись в сиджиле. Месяц Зулькаада, года 1021 хиджры.

16 строка. Мевляна Юнус Эфенди бин Махмуд, Абдулгани Челеби бин Эльхадж Геври, Юсуф бин Абду Вахид и др.

Как следует из приведенного отрывка, пиетет к памяти покойного и его детям отсутствует, несмотря на высокий ранг чиновника и его славную гибель (стал шахидом, то есть принес себя в жертву воинской доблести в сражениях с неверными). Нет пожеланий того, чтобы “...рай стал местом его постоянного обитания (mekân cenet olsun)”, как следует по тексту первого сиджиля, когда речь идет о покойном хане Селямет Гирее. И сам он не называется “неустрасимым предводителем”, как предыдущий офицер стражи (“çarı ađası”). Его называют “эфенди” – обращение, имеющее распространенное употребление среди крымских татар и турок в отношении всякого взрослого мужчины, и которое можно перевести как “господин” или “сударь”.

Таким образом, с точки зрения жанровой специфики записей кадиаскерского сакка² можно выделить два типа документов. К первому следует отнести обычные, то есть те, что написаны сухим, формальным языком, причем таких текстов абсолютное большинство. Ко второму – документы, отличающиеся высоким литературным слогом, содержащие формулы молитвенных пожеланий, эпитетов и определений. В этих делах фигурируют сановные особы, большей частью правители Крыма, либо их родственники. Пышность слога и высокая лексика – единственное, что их отличает от остальных документов. Вслед за Д. С. Лихачевым данный тип документов будет правильным назвать этикетным.

² Сакк (осм. из араб. “saqq”: “suquq”–“sıraq”–“esraq”) – книга, свод; свидетельство, удостоверение.

Что касается языка текстов сиджилий, то он изобилует арабозычными терминами, в которых нередки изафетные конструкции, которые образуются как на арабский (*hâmil hâze al-kâtab* / податель сего документа), так и на персидский манер (*merhum-u mekum* / упомянутый покойный). При этом персидские изафеты часто адаптируются в тюркской языковой среде, где выбор безударной гласной фонемы – показателя изафета – определяется общим звуковым составом определяемого (препозитивного) слова (*takrir-i dava* / официальный иск; *suquq-u muslimin* / свидетельство мусульманина). Однако в постпозиции после “а” всегда обычно идет “и” – “i”: *abd-i mezun* / раб-отпущенник, вольноотпущенник.

Тюркский элемент в османском языке сиджилий проявляется крайне редко. Большею частью это вспомогательные глаголы в сложных составных конструкциях из имени и глагола: (*hükm olundan* / вынеся приговор / решение, *bey' idub* / купив / совершив покупку), некоторые, довольно редкие имена тюркского корня (Хошкельды, Токътамыш [Репринтные... Т. 1, 2]). Из существительных наиболее употребительные слова “el” / рука, в составных выражениях типа: “*elde olmaq*”, “*elde etmek*” (иметь на руках, добывать, приобретать) и “*baş*” / голова, также в специфических выражениях, обозначающих должность (“*Bölük Başı*” – начальник болюка, подразделения, сопоставимого с ротой). Тюркским по своей структуре остается также и синтаксис сиджилий, где наблюдается соответствующее падежное управление и порядок слов во фразах. Как правило, синтаксис текстов этих документов осложнен пространными, следующими одно за другим многочисленными определениями. Даже в тех случаях, когда диктум нарратива переходит к новому объекту, многосоставная фраза выглядит в оригинале нечленимой.

Из необходимых для стилистического анализа критериев кадиаскерских сиджилий в рамках данной статьи удалось коснуться лишь некоторых из них: наличие и отсутствие литературного этикета, особенности терминологии и лексического состава, а также некоторые особенности синтаксиса. В большей степени нам удалось лишь обозначить отдельные направления обширных исследований в области исторической стилистики крымскотатарского языка на материале упомянутых памятников делового письма Крымского ханства.

ЛИТЕРАТУРА

Балли, Шарль. **Общая лингвистика и вопросы французского языка.** Москва, 1955.

Биярсланов М. Выписи из кадіаскерского сакка (книги) 1017–1022 хиджры (1608/9 – 1613 г. хр. лет.), хранящегося в архиве Таврического Губернского Правления // **Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК).** № 9. Симферополь, 1890.

Лихачев Д. Е. Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения) // **Труды Отдела древнерусской литературы.** Т. 17. Москва, 1961.

Репринтные копии рукописей бахчисарайских сиджилей, хранящиеся в библиотеке им. Гаспринского в Симферополе. Т. 1. С. 93/99 (2-ая от правой стороны переплета).

Репринтные копии рукописей бахчисарайских сиджилей, хранящиеся в библиотеке им. Гаспринского в Симферополе. Т. 1. С. 1–70.

Репринтные копии рукописей бахчисарайских сиджилей, хранящиеся в библиотеке им. Гаспринского в Симферополе. Т. 1. С. 1–10.